МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

КАЗАНЬ — 1981

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

КАЗАНЬ — 1981

Вопросы формирования лексико-грамматического строя русского языка, Казань, КГПИ, 1981, 184 с.

Сборник Казанского зонального объединения кафедр русского языка содержит ряд статей, посвященных актуальным проблемам современного русского языка и его истории. При этом основное внимание сосредоточено на выявлении диалектической взаимосвязи различных языковых уровней и сфер языкового общения в процессе функционирования русского языка, а также на раскрытии закономерностей развития его лексико-грамматического строя, системной обусловленности наблюдаемых изменений.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов, студентов и учителей-русистов.

Редакционная коллегия:

А. И. Софронова, канд. фил. наук, доц. (отв. редактор), *Л. А. Андреева,* канд. фил., наук, доц., *С. И. Снопкова,* канд. фил., наук, доц., *Л. И. Коновалова,* канд. фил. наук, доц.

Рецензенты: докт. фил. наук, проф. *Э. М. Ахунзянов,* канд. фил. наук, ст. науч. сотрудн. *Г. В. Кузьмина.*

© Казанский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт, 1981 г.

Занько С. Ф., Андреева Л. А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕКСТА

Интенсивное развитие, которое переживает в последние годы лингвистика текста, ставит перед лингвистической теорией целый ряд трудных методологических проблем. К их числу относится прежде всего проблема целостности текста. Ее постановка немедленно вводит исследователя в круг вопросов, с которыми лингвистика до сих пор почти не имела дела. По существу это особая область исследования, которую можно назвать **лингвистической прагматикой.**

Лингвистическая прагматика существенно отличается по своему предмету от семиотической прагматики. Как известно, семиотическая прагматика обычно определяется как раздел семиотики, изучающий «отношения знаков к интерпретаторам» [1]. Этот восходящий к Ч. С. Пирсу взгляд окончательно оформился в трудах Ч. Морриса, который в конце концов стал рассматривать всю семиотику в рамках науки о поведении [2]. Соответственно конкретизировалось и понимание прагматики: «...прагматика — это часть семиотики, которая имеет дело с происхождением, употреблением и воздействиями знаков в пределах того поведения, в каком они имеют место» [3]. Такое понимание позволяло распространить круг прагматических исследований не только на область человеческого языка, но и на другие знаковые системы, в частности на системы коммуникации животных [4]. В языкознании такой взгляд на природу человеческого языка проводился Л. Блумфилдом еще до работ Ч. Морриса [5]. Более поздние исследования мало что изменили в основном подходе к пониманию

---

[1] Morris C. Foundations of the Theory of Signs. International Encyclopedia of Unified Science, Vol. 1, no. 2, Chicago, 1938, p. 6.

[2] Morris C. Signs, Language and Behavior. New York, 1946, p. 2.

[3] Morris C. Signs, Language and Behavior, p. 219.

[4] См. напр.: Marler P. The Logical Analysis of Animal Communication.— Journal of Theoretical Biology, 1961, No. 1.

[5] См.: Блумфилд Л. Язык.— М.: Прогресс, 1968, гл. 2.

прагматики. С одной стороны, они развивали и уточняли логический статус прагматики [6]. С другой — исследовали отношение прагматики к теории информации [7]. Наконец, нельзя не упомянуть о работе Г. Клауса, который предпринял попытку дать марксистское изложение основных вопросов прагматики [8]. Главным для всей массы работ по семиотической прагматике остается и по сей день исходный тезис Ч. Морриса о том, что семиотическая прагматика изучает отношение знака к интерпретаторам. Не составляет исключения в этом смысле и работа Г. Клауса: «Прагматика изучает отношения между знаками и людьми, которые производят, передают и принимают языковые знаки. Эти языковые знаки выполняют — в зависимости от того, в каких целях они используются людьми,— различные функции» [9].

Отметим, что такое понимание объекта исследования прагматики и ее места в семиотике встречает сочувствие не у всех [10]. Что же касается лингвистики, то это понимание не позволяет использовать для изучения прагматических вопросов обычные методы лингвистических исследований. Именно по этой причине приходится говорить о лингвистической прагматике как об области исследований, отличающейся по своему предмету от семиотической прагматики, хотя и имеющей с последней точки соприкосновения. При этом на первый план выступает не категория знака, а категория текста, рассматриваемая в качестве продукта речевой деятельности людей. В общих чертах этот подход был намечен в одной из наших работ [11]. В этой статье он конкретизируется применительно к вопросу о типологии целостных текстов.

В отличие от семиотической прагматики основная задача лингвистической прагматики состоит не в том,

---

[6] См.: Карнап Р. Значение и необходимость.— М., ИИЛ, 1959; Martin R. M. Toward a Systematie Pragmatics.— Amsterdam, 1959.

[7] Черри К. Человек и информация.— М.: Связь, 1972.

[8] Клаус Г. Сила слова.— М.: Прогресс, 1967.

[9] Клаус Г. Сила слова, с. 21.

[10] Папуш М. П. Проблема единства семиотики и схема «семиозиса» Ч. Морриса.— В кн.: Проблемы семантики.— М.: Наука, 1974.

[11] Занько С. Ф., Андреева Л. А. Лингвистика и психолингвистика.— Казань, 1972, с. 29 и сл.

чтобы изучать непосредственное влияние знаков на поведение, а в том, чтобы выявить, какие факторы речевой деятельности обусловливают это влияние и как оно выражается средствами языка. В принципе это означает, что лингвистическая прагматика занимается исследованием того же объекта, что и семиотическая прагматика, но рассматривает его более конкретно. Знаковая система выступает при этом не просто как сторона отношения к человеку, а как средство управления совместной практической деятельностью людей, процессом их сотрудничества в общественном производстве жизни. Поэтому язык, как и всякое средство, содержит в себе в отраженном и превращенном виде как практическую деятельность в целом, так и отдельные ее компоненты. Лингвистическая прагматика ставит своей задачей описать, какие языковые средства служат для управления практической деятельностью людей.

В итоге имеем следующую схему объекта исследования лингвистической прагматики (см. рис. 1).

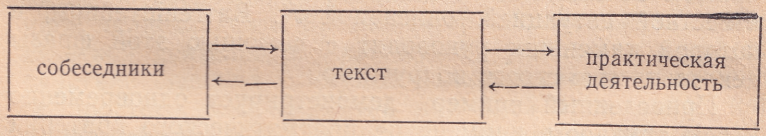

Рис. 1. Объект исследования лингвистической прагматики.

На схеме основное отношение между знаковой системой и поведением, которое, по существующим представлениям, является исследовательским объектом семиотической прагматики, оказывается поглощенным более сложной сетью связей, в которой язык выступает лишь в качестве момента, опосредствующего связь между собеседниками и их речевой деятельностью. Действительным же орудием воздействия на практическую деятельность является речевая деятельность. Таким образом, язык связан с практической деятельностью опосредствованно. Непосредственное воздействие на практическую деятельность оказывает конечный результат

речевой деятельности, т. е. целостный текст. Это означает, что связь языка с практической деятельностью имеет функциональный характер. Лишь в тексте языковые средства приобретают черты, которые делают их средством выражения прагматического значения и, следовательно, орудием управления совместной практической деятельностью. Текст при этом рассматривается как продукт семиотического процесса (семиозиса).

С изложенной точки зрения, основным прагматическим критерием целостности текста является функция управления практической деятельностью людей. Иначе говоря, только когда текст рассматривается с точки зрения способности управлять деятельностью, можно установить его целостность. В противном случае вопрос о целостности текста остается открытым. Все внутрилингвистические критерии оказываются здесь бессильными. Сколько бы мы ни пытались путем фонетического, морфологического, синтаксического или семантического анализа установить целостность текста, образованного, скажем, английским словом *Brick* (кирпич), мы ничего не сможем поделать до тех пор, пока не примем во внимание возможной связи этого текста с известной ситуацией, описанной Л. Витгенштейном, в которой каменщик руководит с помощью этой фразы деятельностью своего подручного.

Приведенный пример демонстрирует одновременно и всю трудность применения прагматического критерия целостности текста. Ведь в слове *brick* нет буквально никаких указаний на связь с практической деятельностью, в то время как выше утверждалось, что деятельность находит свое выражение в тексте.

Эту трудность можно преодолеть, если принять во внимание сложный, иерархический характер деятельности. С самого начала следует рассматривать три уровня строения деятельности, определяемые ее мотивом, целью и задачей. Соответственно, управление осуществляется путем воздействия на различные компоненты функционального механизма деятельности. Таким образом, характер отражения деятельности в тексте зависит от уровня управления, и это обстоятельство может служить основой для установления прагматической типологии текстов.

В наиболее прозрачном виде связь с деятельностью

проявляется в случае речевого управления исполнительной деятельностью одного индивидуума со стороны другого, например, при обучении человека новой для него деятельности. Текст в этом случае должен содержать в себе всю программу деятельности в виде указаний на отдельные операции и подкрепления (положительные и отрицательные) их выполнения. По форме выражения тексты такого рода представляют собой набор побудительных высказываний, объединяемых принадлежностью к одному говорящему и идеей связи в единую цепочку действий. Для всей ситуации характерно, что слушающий выполняет то, что ему говорят, и потому о целостности текста можно судить по результатам самой практической деятельности. На этом факте была, как известно, основана концепция лингвистического значения Л. Блумфилда. Г. Клаус фиксирует этот момент в понятии о технологическом стиле речи, в задачу которого входит формулирование алгоритмов [12].

Но уже на следующем уровне речевого управления практической деятельностью — уровне планирования — связь текста с деятельностью не является столь прозрачной. Л. Блумфилд был вынужден ввести здесь понятие об отсроченной реакции, но это явилось выражением неадекватного, биологизаторского понимания человеческой деятельности как суммы реакций в ответ на действие внешних стимулов. Планирование (в отличие от простого включения той или иной врожденной или приобретенной в результате обучения программы) предполагает, что деятельность носит совместный характер и требует координации усилий ее исполнителей. Текст, служащий орудием речевого управления на уровне планирования, должен содержать в себе план совместной деятельности в виде указаний на средства достижения цели плюс речевые сигналы для координированного включения программ (таким сигналом как раз и служит фраза *Brick*). Типовой формой выражения текста выступает на этом уровне диалог.

Третий уровень речевого управления практической деятельностью людей — управление общественным поведением. На этом уровне связь текста с деятельностью имеет еще более отдаленный характер, поскольку управ-

[12] Клаус Г. Сила слова, с. 83.

ляющие воздействия направлены на мотивационную сферу функционального механизма деятельности, определяющую данный процесс деятельности в целом и, следовательно, линию поведения человека. Текст на этом уровне речевого управления должен содержать информацию об определенных актах деятельности, из которых складывается линия поведения плюс оценочные суждения о них. Типовой формой выражения текста является повествование.

Итак, мы имеем три прагматических типа текстов: текст, представляющий собой набор побудительных высказываний, диалог и повествование. Целостность каждого из них определяется способностью воздействовать на человеческое поведение, т. е. прагматическим значением. Прагматическое значение целостного текста любого типа позволяет составить представление о законченном акте деятельности. В противном случае текст будет незаконченным и, следовательно, прагматически непонятным. Необходимо отметить также, что выделенные прагматические типы текстов являются идеализациями. В реальной речевой деятельности имеют место постоянные переходы с одного уровня речевого управления на другой, в результате чего порождаемые тексты совмещают, как правило, черты всех типов.

Каково значение описанной прагматической типологии текстов для лингвистики?

Представляется, что она может служить методологической основой членения единой до сего времени лингвистики текста на три больших раздела, соответствующих трем выделенным типам целостного текста. Частично это ведет к привлечению в лингвистику нового, пока не исследовавшегося материала. Для текстов первого типа, например, в роли такого материала выступают разного рода инструкции, содержащие описание деятельности, приводящей к достижению общественно необходимых целей. В рамках теории текстов второго типа должно вестись изучение явлений разговорной речи [13]. Новые перспективы в изучении текстов художественной литературы открываются в связи с их отнесе-

---

[13] Занько С. Ф. Семиотическое содержание понятия о разговорном языке.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Сборник статей.— Горький, 1973.

нием к текстам третьего типа[14]. Необходимо отметить также, что учет прагматического значения может существенно влиять на рассмотрение традиционных предметов лингвистического исследования, таких, например, как функциональные типы высказывания и др.[15] Во всяком случае становится ясно, что поисками средств межфразовой связи, как это обычно имеет место[16], лингвистика текста ограничиться не может.

Снопкова С. И.

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ПРОЦЕССА ВТОРИЧНОЙ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(К понятию видовой парадигмы)

Будучи обязательно оформленными с точки зрения вида, глаголы современного русского языка в то же время ведут себя по-разному в отношении к самому процессу видообразования, что приводит к дифференциации их видовой мотивационной цепи, сказывается на характере их видовой парадигмы, который в значительной степени зависит от возможности / невозможности образования (от данного глагола) вторичного имперфектива.

Следует отметить, что основные тенденции, специфика процесса глагольного видообразования в современ-

---

[14] Андреева Л. А., Занько С. Ф. К вопросу о методике лингвистического исследования индивидуального стиля писателя (на материале творчества А. П. Чехова).—В кн.: Вопросы теории русского языка. Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, т. 51, вып. 2.— Рязань, 1969.

[15] См.: Занько С. Ф. Функциональная система высказывания в русском языке.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка, сб. 7.— Казань, 1971; Андреева Л. А. Система обращений в эпистолярном стиле русского языка 17 — начала 18 века.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка, сб. 10.— Казань, 1974.

[16] См., напр.: Лосева Л. М. Как строится текст.— М.: Просвещение, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Андрамонова, Л. М. Салмина. Условно-временные сложноподчиненные предложения в современном русском языке 3

С. Ф. Занько, Л. А. Андреева. Прагматические критерии целостного текста 9

С. И. Снопкова. Об одном аспекте процесса вторичной имперфективации в современном русском языке (К понятию видовой парадигмы). 15

Л. С. Андреева. Из истории агентивных существительных с суффиксом *-тель* в русском языке (на материале дипломатической корреспонденции Московской Руси) . . . 26

Н. Н. Аникина. Морфологическое и неморфологическое словообразование в современном русском языке . . . 45

Л. И. Коновалова. Творительный падеж существительного при нечленной форме страдательного причастия . . 57

Г. А. Хайрутдинова. Особенности функционирования видо-временных форм глагола в повествовании и описании 76

Н. Н. Фаттахова. Словообразовательная характеристика слов-терминов в русском и татарском языках (на материале переводов произведений В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Великий почин», «Задачи союзов молодежи», «Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала») 81

А. И. Софронова. Из наблюдений над закономерностями метафоризации в лексико-семантических группах, связанных синонимическими и антонимическими отношениями 93

Л. Д. Умарова. Семантическая структура глаголов перемещения в русском и татарском языках 103

Л. А. Андреева. Лексико-грамматические средства выражения состояния в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» 111

В. Л. Смирнов. Некоторые наблюдения над официально-деловой фразеологией (на материале языка XVII века) 122

И. В. Кашина. Фразеологизмы со значением беспокойства, волнения, тревоги в современном русском языке . . 137

Ф. С. Камалова. К вопросу о разграничении однокорневых слов в русском языке 146

И. И. Парамонова. К вопросу о функционировании союза *когда* 152

Т. А. Юлкина, Э. А. Валидова. Присоединение как вид текстуальной связи и способы его выражения . . . 160

Н. А. Мунькова. К вопросу о языковой специфике научного стиля. 175

Сводный темплан Минпроса РСФСР, 1981 г.

Вопросы формирования лексико-грамматического строя русского языка

Редактор *Э. А. Салимова*

Сдано в набор 9.X.81 г. Подписано в печать 31.XII.81 г. ПФ 08354. Бумага типографская 84×108$^{1}/_{32}$. Уч.-изд. л. 9,0. Печ. л. 9,6. Тираж 600. Заказ Н-442. Цена 1 р. 40 коп.

Полиграфкомбинат им. К. Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Казань, ул. Баумана, 19.